

мне подарком за честь.
 Будто слово назначено
 После речи, но чьей?
 В полуфразах слов древних
 Не слышу греха.
 В крае чудном, не одинок, не гоним.
 И живу, как и жил,
 От стиха до стиха.
 Охраняет меня добрый мой серафим.
 Я не видел ночей,
 Как сегодня страшней.
 Стая воронов вылетела из-за плеча.
 Только сверлит глазами меня Моисей
 Да святой Михаил стережет от меча.

Рисунки автора

И солнечный лучик, и ноток созвучье...

* * *

Фольварки Пастернака и надмирность Блока —
 Мой свет и день — о чем скорбеть?
 Судьба — мой пес (или бездомная собака?) —
 Но разве этот бедный, милый зверь

Не обнимает сердце тихой лаской —
 Странствие и сострадание рядом —
 О, милая, с тобой утешусь старой сказкой:
 Вон дом и сын, и сад за будничным оврагом.

Ну, не лижи ладонь и не толкай мне локоть,
 Полоска черная? Но белой не заказан путь —
 Фольварки Пастернака и надмирность Блока —
 Продержимся в сцепенье лап и рук.

Ну что ж ты, пес, не унывай, не надо —
 Шопен с фольварками и снова Пастернак —
 Ну, помнишь, как щенком ты крался за оградой?
 Так вот, за тем оврагом — белый, дымный сад.

* * *

Как камень тешут трудно и упорно
 И, может, проклиная этот труд,
 Уже измученной и полумертвой,
 Встаю, долблю урок.
 А где-то Брут,

Мытарствуя предательством,
 Но, посягнув на славу,
 Вопит о праве покорять Сенат —
 Не надо, юноша, во вражеском анклав
 Вам пребывать.

Глотая газ какой-то подземельно-рудный,
В своем пространстве не атолл, а риф,
Я все качу свой камень многотрудный
Наверх — поймешь ли ты меня,
Сизиф?

Я знаю, риф красив кораллом,
Скорбя, тружусь и в памяти храню:
Сей труд уже прокомментирован Гайдаром
И мужем французским —
Алжирцем Камю.

* * *

И солнечный лучик, и ноток созвучья —
Веселых иль грустных — не все ли равно?
Вон кроны деревьев подставили уши —
Мне видеть и слышать все это дано.

Косым переливом дождевки и льдинки —
Хрустя, улеглись на асфальт.
Страдает, наверно, мой старый малинник,
Но ты это, Господи, просто поправь.

Пусть будут — и лучик, и нотки созвучий,
Малиновка пусть распеваает в кустах.
Я к дубу приду, чтобы только послушать,
Как мысли о вечном под кроной шуршат.

* * *

Воспрепятствовать белому снегу
И ветвям, прочертившим сквозное окно?
О, нарядным весенним побегом
Я приду в этот мир все равно.

Воспрепятствовать белому свету,
Солнцу, вставшему с краю небес?
О, зимой и весной, и засушливым летом,
Как глоток благодати — встречаю рассвет.

И не надо мне празднои судьбины,
Парусов, под которыми так мне хотелось уплыть,
В свитке дней, и красивом, и длинном,
Есть моя скромно-пестрая нить.

* * *

И Моцарт с его "Невинностью сына"
Привстал и шагнул далеко.

А как бы хотелось срифмовано-просто:
Расправив крыла (или плащ) широко,
Витает над нами трагически-вечно,
Безудержный Моцарт. — И все нипочем.

Но нет, на скрижалях убогой судьбины,
Когда слово "Моцарт", как "ящер", никто,
Не славит, не знает, а скрипка в плечо
Рыдает, рыдает, о век мой проказник,

Ну, сколько еще? "Невинностью сына"
Измучив мне душу, ушел этот гений, ушел.

* * *

Сыну Сергею

Я, отражаясь белым днем
В твоей бронзовости прекрасной,
Все повторяю: "До — плывем,
Мир познающие всечасно,

Не могут тиной, слизью, сленью
Укрыть становище Земли".
Вотще: огромность этой пенной
И вечно царственной весны

Во мне, в тебе и — бронзовым закатом
В остатке дней озарены
Твое, а, может, и мое стаккато
В чуть теплом ковшике Земли.

* * *

Я пиршество земли приемлю как подарок, Пронзительность
весны всё в кулачке храню,
Чуть теплится, но все-таки горит свечи огарок
И Боги помнят путь к изложью моему.

Поющие струи извилистого слова
Вздывают паруса придуманных ветрил —
Но пиршеством земли я осиянна снова,
И соловьиный сад маячит мне вдали.

О, казуистика земной неутолимой воли:
Плащом серебряным прикрыв нетленный торс,
Мой Моцарт над смычком колдует-канифолит,
И вязью сталактита оплывает воск.

Поклывшем цветистости упругой
Всплывает утро, денность возлюбя,
И я, рожденная не дамой, а прислугой,
Внимаю естеству земного бытия.

Простецкой, где-то заплутавшей ноткой,
В хорале праздничном красивейших рулад,
Я замираю на тропе короткой:
Бытийности? Да нет, — земного бытия.

Раскованная твердь земного притяженья —
Земля тюльпаном тужится в ночи,
Плыву в стремнине каждодневного раденья,
Дунайской — в льдинках — прихлебнув воды.

Руками до моря бережно донеси...

* * *

Любая росинка дороже жемчужин в браслетах...
Она появилась... Она исчезает...И в этом
Есть строгая тайна. Как древнего солнца касанье.
Вот в этом: она появилась, она исчезает...

Мы тоже роса — на прохладные травы прилечь бы
Зажмурив глаза. А проснувшись, — друг друга беречь бы.
За горечь ошибок. За чая глотки на вокзалах.
Что мы как роса появились. Что мы — исчезаем.

* * *

Я стою в полумгле, обрываю шиповник,
Он колюч снаружи, колюч изнутри...
Остальное, возможно, и не припомнить.
Остальное, должно быть, перегорит...

Кисло-сладкая ягода золотая...
Мир, в тебе заключенный, светел и цел...
А по небу ангелы пролетают,
Не нуждаясь совсем в витамине С.

* * *

Как падают в море, так больше падать и некуда...
Не стоит меня в этот миг вылавливать неводом,
Когда я все рыбы, все крабы, когда я — соль...
Не стоит меня вытаскивать на песок...

Что скажет, глотая воздух острыми жабрами,
Тебе за попытку спасти от моря душа моя ?
Спасибо тебе, спасибо... Обрати спаси...
Руками до моря бережно донеси.